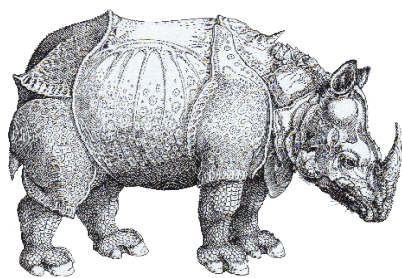

Non multa, sed multum

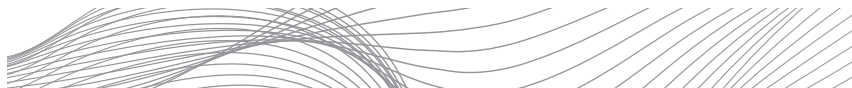
ИНДЕКС №4 (30) | 2022 БЕЗОПАСНОСТИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

ЭЛЕМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УРАВНЕНИЯ: КАК ВЫСТРОИТЬ КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В НОВУЮ ЭПОХУ

МОСКВА, 2021

Главный редактор: В.А. Орлов

Редактор: Е.Г. Чобанян

Рецензенты: С.Д. Семенов, А.А. Квартальнов

Элементы стратегического уравнения: как выстроить контроль над вооружениями в новую эпоху / Ред. Е.Г. Чобанян. М.: ПИР-Пресс, 2021. – 19 с. – (Индекс Безопасности – Научные записки).

ISBN 978-5-6047005-7-0

Данная научная записка выходит спустя несколько дней после публикации Россией проектов договоров с США и странами НАТО по «гарантиям безопасности». В ней содержатся итоги круглого стола ПИР-Центра в рамках XIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) 2021 года, где эксперты обсуждали элементы «стратегического уравнения», которые бы позволили создать новую взаимоприемлемую систему контроля над вооружениями на фоне технологического прогресса, усиливающегося противостояния крупных государств и общего кризиса глобальной архитектуры международной безопасности. Так, в данной научной записке представлены тезисы из выступления директора ПИР-Центра Владимира Орлова, начальника отдела военно-стратегических проблем, ДНКВ МИД России Александра Трофимова, главного научного сотрудника ИМЭМО РАН Владимира Дворкина, консультанта ПИР-Центра Андрея Баклицкого, научного сотрудника ПИР-Центра Сергея Семёнова, научного сотрудника Института США и Канады РАН Олега Криволапова и доцента Дипломатической Академии МИД России Андрея Малова.

Данная научная записка и другие материалы научной серии размещены на сайте:
<http://pircenter.org/articles>

ISBN 978-5-6047005-7-0

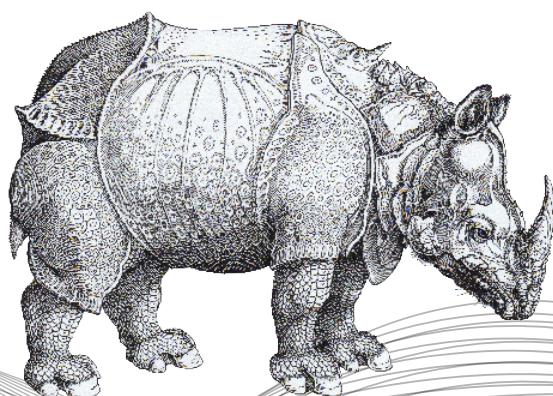

9 785604 700570

© ПИР-Пресс, 2021

Оглавление

Главное _____	4
Введение _____	5
Владимир Орлов Не линейное уравнение, не седьмой класс и не теорема Виета _____	6
Александр Трофимов, Владимир Дворкин Деградация системы международной безопасности — кто виноват и что делать? _____	7
Андрей Баклицкий, Сергей Семёнов Оценки подходов США к стратегической стабильности _____	10
Олег Криволапов Развитие американской ПРО в новую эпоху _____	11
Андрей Малов Космос: новая арена гонки вооружений _____	15

Главное

- **Российские предложения о «гарантиях безопасности» создают новую платформу для выработки «стратегического уравнения», которое может стать основой долгосрочной стабильности и предсказуемости в российско-американских отношениях.**
- **Нынешняя модель контроля над СНВ обеспечивает предсказуемость и реальную картину положения дел в группировке СЯС вероятного противника. Реальный зачёт боезарядов, новация ДСНВ, является тому гарантией.**
- **Для того, чтобы заложить основу для нового КНВ необходимо сформулировать и выработать новое стратегическое уравнение, которое бы учитывало все значимые факторы, влияющие на стратегическую стабильность: все наступательные и оборонительные вооружения способные решать стратегические задачи.**
- **Американский подход к проблематике КНВ традиционно зависит от того, какая из двух ведущих партий находится у власти. Но программы вооружений, запущенные при Трампе, до сих пор не отменяются – для американцев это дополнительный рычаг давления на Россию и отказываться от него они не намерены.**
- **Администрация Дж. Байдена в нынешних бюджетных условиях делает ставку на самые главные из инновационных передовых разработок: новый стратегический перехватчик, сенсоры космического базирования, защита от гиперзвуковых вооружений.**
- **Космическая гонка вооружений ещё не началась, однако поступают сигналы, что отдельные государства создают политический, экономический и научно-технический задел для реализации планов по размещению ударных оружейных систем в космосе.**
- **Суть военного доминирования в космосе проста – если кто-либо с опережением других разместит оружие в космосе, освоит практически работающие формы и методы его применения, тот получит и контроль над космическим пространством, и не только над ним.**

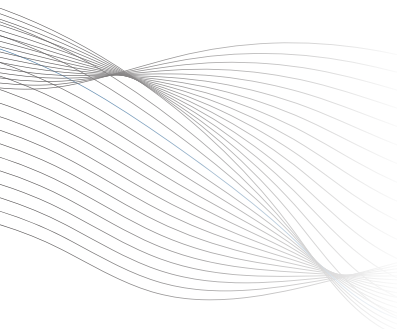
Элементы стратегического уравнения: как выстроить контроль над вооружениями в новую эпоху

В середине декабря 2021 г. Российская Федерация представила широкой общественности проекты договоров с США и странами НАТО по «гарантиям безопасности». Документы вызвали резонанс как в России, так и за рубежом: на Западе предложения России многие назвали недопустимыми, а в российских экспертных кругах всерьёз удивились включению в проекты договоров довольно жёстких формулировок.

Тем не менее идея гарантий, судя по всему, станет важным компонентом российского внешнеполитического дискурса на ближайшие месяцы, а, может быть, и годы. Списывать её со счетов как нереальную просто не представляется возможным. Важно, что российская инициатива создаёт основу для новых форматов взаимодействия по важным для России военно-политическим вопросам. Экспертное сообщество должно вносить свой вклад в разворачивающиеся дискуссии – в первую очередь за счёт анализа объективных политических реалий и технологических возможностей, в контексте которых и будут выработываться гарантии и любые иные юридически обязательные договорённости. В данной записке публикуются материалы круглого стола ПИР-Центра «Элементы стратегического уравнения: как выстроить контроль над вооружениями в новую эпоху», прошедшего в рамках XIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ).

Одним из последствий технологического прогресса и усиливающегося противостояния великих держав сегодня становится расширение предметной области контроля над вооружениями. Развитие противоракетной обороны (ПРО) и гиперзвуковых вооружений, создание маломощных ядерных зарядов, разработка кибероружия и попытки милитаризации космоса ведут к снижению эффективности подходов, сформировавшихся ещё во второй половине прошлого века. Всё это происходит на фоне кризиса глобальной архитектуры международной безопасности, который характеризуется отказом отдельных государств от двусторонних и многосторонних соглашений, а также тупиковой ситуацией на международных разоруженческих форумах. В такой, казалось бы, безвыходной ситуации особую актуальность приобретает экспертный диалог.

Владимир Орлов,
Александр Трофимов,
Владимир Дворкин,
Андрей Баклицкий,
Сергей Семёнов, Олег
Криволапов, Андрей Малов

«Взаимоприемлемый баланс найти непросто, но не невозможно», — Владимир Орлов

НЕ ЛИНЕЙНОЕ УРАВНЕНИЕ, НЕ СЕДЬМОЙ КЛАСС И НЕ ТЕОРЕМА ВЬЕТА

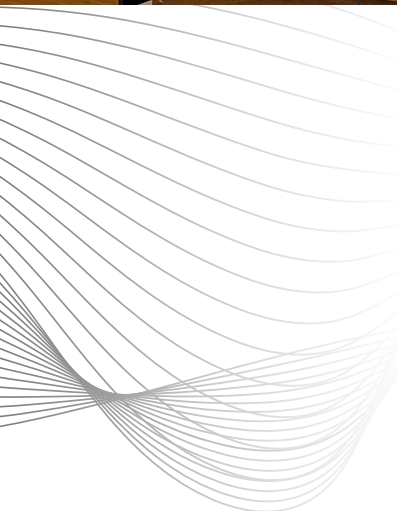
ВЛАДИМИР ОРЛОВ: Круглый стол ПИР-Центра в рамках XIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) продолжает многолетние усилия ПИР-Центра по поиску взаимоприемлемых развязок в переговорном процессе с США. В 2017 г. мы запустили совместный российско-американский проект по стратегической стабильности, в рамках которого мы совместно с американскими коллегами, здравомыслящей частью американского экспертного сообщества пытались нащупать почву для дальнейшего двустороннего диалога в области контроля над вооружениями. И мне доставляет особое удовольствие, что наши тогдашние наработки созвучны с российской концепцией стратегического уравнения, предполагающей учёт всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность.

Очевидно, что уравнение — это решить, просчитать непросто. Это точно не линейное уравнение, не седьмой класс и не теорема Виета. Мы говорим о целой системе уравнений или неравенств. И высчитать взаимоприемлемый баланс, найти точку равновесия будет весьма непросто. При этом — не невозможно. Философский базис для такого продвижения есть: в настоящее время и Россия, и США ведут диалог конструктивно, не размениваясь на бесплодные попытки обеспечить себе односторонние преимущества, как этой порой делала администрация Трампа.

Среди сегодняшних докладов — важные, центральные для стратегической проблематики темы. Итоги российско-американских консультаций в Женеве, СНВ, ПРО, космос и быстрый глобальный удар. С нетерпением жду и выступления нашего приглашённого гостя — начальника отдела военно-стратегических проблем ДНКВ МИД России Александра Трофимова, который изнутри знает «кухню» переговоров с США.

Особое для меня удовольствие — в том, что ПИР-Центр как ведущая российская неправительственная организация подходит к дискуссии по стратегической стабильности хорошо подготовленным, с «выполненным домашним заданием». Среди раздаточных материалов — наши последние доклады по военно-техническим аспектам контроля над СНВ, концепции быстрого глобального удара — и это только начало.

Данный круглый стол для нас — промежуточная веха. Хотим воспользоваться возможностью, чтобы «сверить часы» с нашими коллегами, присутствующими здесь членами нашего Экспертного совета, чтобы наметить контуры нашей дальнейшей информационно-аналитической работы. Важно и то, что среди собравшихся достаточно студентов — в т.ч. и флагманской магистерской программы ПИР-Центра и МГИМО, для которых жизненно необходимо знать тонкости процесса контроля над вооружениями.

ДЕГРАДАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ — КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ: Уже несколько лет ситуация в области международной безопасности остается тревожной, мы даже используем слово «деградирующей». Самым серьезным образом за последние годы пострадала архитектура контроля над вооружениями и в основном под ударами тех, кто стремится обеспечить себе геополитическое доминирование с опорой на силу. Под этой витиеватой формулировкой мы имеем в виду, в первую очередь, США. Мы все были свидетелями, как планомерно они избавлялись от определенных ограничений. Скажем, отказались более 20 лет назад от адаптации договора ДОВСЕ, вышли из договора по ПРО, прекратили участие в РСМД под надуманными предлогами, из последнего – вышли из Договора по открытому небу. И с учетом тех рисков безопасности, складывающихся из ситуации, Россия была вынуждена ответить зеркально, мы тоже приняли решения и вышли из этого договора, денонсировали его. Пока еще действует, но осталось буквально два месяца. Кроме разрушения или расшатывания системы КНВ, хотел указать на ряд действий, которые чреваты рисками для стратегической стабильности. Это развертывание глобальной ПРО в различных регионах мира, прежде всего в Европе, но и в АТР. Кроме того, можно вспомнить, что в США стремятся к наращиванию высокоточных вооружений, уже неядерных, но не менее дестабилизирующих в стратегическом смысле. Опять же регулярно мы указываем на различных форумах, насколько дестабилизирующим является присутствие ЯО США в Европе и участие неядерных государств НАТО в так называемых совместных ядерных миссиях альянса и совместное планирование. Довольно долго призываем прекратить эту практику и вернуть ЯО на национальную территорию США. И, разумеется, нельзя не отметить очевидно возрастающую активность НАТО и США, когда приближается стратегическая инфраструктура к нашим рубежам, увеличивается разведкаивность в Черном, Балтийском морях.

Немногие вспоминают, что по военной и дипломатической линиям Россия предлагала ряд мер, направленных на деэскалацию ситуации: по вопросам учений, обмена информации, но НАТО даже не отреагировала, наши предложения были взяты, но ответа мы не получили. То есть картина, получается, безрадостная в определенном смысле, и такой оставалась до начала года, когда с приходом к власти новой администрации Байдена в США кое-что получилось, и нам удалось договориться довольно быстро, даже крайне быстро, по продлению договора ДСНВ. Причем именно в том ключе, в каком мы давно призывали: на пять лет, без дополнительных условий – в том виде, в котором он существовал и действовал. Новая администрация США на это пошла. Другой шаг, добавивший еще один позитивный сигнал, – удалось договориться на саммите 16 июня.

«Точек соприкосновения у нас мало, очень разные позиции, но работа будет продолжена. Есть интерес к достижению чего-то совместного и стороны соглашаются, что цель – юридическая договоренность или пакет договорённостей» — Александр Трофимов

Удалось подтвердить приверженность принципу недопустимости ядерной войны, к чему мы тоже довольно давно призывали американцев и всю ядерную пятерку. С Китаем мы тоже вновь подтвердили принцип о недопустимости конфликта между ядерными державами – в двухстороннем заявлении от 29 июня. Вернёмся к российско-американским отношениям. Президенты запустили диалог по стратегической стабильности. И вот эти реалии, в которых мы находимся, то есть, с одной стороны, вроде бы не очень радостная картина, а с другой вдруг такие сигналы, шаги между РФ и США, которые позволяют на что-то надеяться в определённой перспективе. Мы поставлены в условия, когда, наверное, стоит постараться и воспользоваться имеющимся шансом и на фоне 5-летнего продления ДСНВ что-то добиться с точки зрения укрепления международной безопасности. Россия, запуская диалог, обозначила в общих чертах, что мы хотим: видение, концепцию – стратегическое уравнение. Что нам надо в контексте тех задач, которые поставили президенты, – решить вопросы с рисками и заложить основу для нового КНВ. Мы полагаем, что для этого надо сформулировать и выработать новое стратегическое уравнение, которое бы учитывало все значимые факторы, влияющие на стратегическую стабильность. Такое уравнение должно охватывать все наступательные и оборонительные вооружения, которые способны, на наш взгляд, решать стратегические задачи. То есть, наверное, видно, что американцы говорят обо всем ядерном, но мы здесь, в МИД, в межведомственном формате, не ограничиваемся ядерной проблематикой.

Как я уже упомянул, есть фактор ПРО, есть фактор высокоточного неядерного оружия – это все очень влияет на стратегическую стабильность, по нашему пониманию. Есть и другие вопросы: нужно обсуждать серьезно вопрос о космосе в стратегическом измерении (неразмещение оружия и другие аспекты), есть дисбаланс в обычных вооружениях. Это все надо учитывать, и это сложная работа, привлекаться должны эксперты из различных ведомств и как концепция, на наш взгляд, это работающая идея, и мы ее представили американцам. Всегда поясняем, что когда мы говорим о ПРО, то мы исходим из взаимосвязи, которая существует между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями, она заложена в договоре СНВ, который был продлен. То есть американцы, очевидно, разделяют мнение о существовании этой взаимосвязи. Этот фактор для нас имеет особое значение, и без учета фактора ПРО двигаться нам будет сложно. Затем, если говорить о наступательных, об ударных средствах, то если попробовать расшифровать, что мы имеем в виду под «имеющими стратегический потенциал», это то, что достигает национальной территории друг друга. Прежде всего фокус на этих средствах доставки и развернутых на этих средствах зарядов: ядерных или неядерных.

Упомяну фактор ракет средней и меньшей дальности. В условиях, когда договора РСМД больше нет, мы также считаем, что эти вооружения должны быть одним из важнейших элементов дискуссии с американцами в рамках стратегического диалога. У нас есть инициативы, они хорошо известны, это взаимные верифицированные моратории. Данные инициативы были выдвинуты вне рамок стратегического диалога, но это не

значит, что мы не можем использовать их с американцами и обсуждать в контексте завязавшегося взаимодействия. Вопрос о том, как мы можем добиться деэскалации ситуации в области обычных вооружения, прежде всего в Европе, и содействовать восстановлению архитектуры общеевропейской безопасности, тоже нужно обсуждать.

Мы на первом этапе пути. Нет чёткой уверенности, что договор ДСНВ может быть заменен каким-то единым юридически обязывающим инструментом, возможно, это могут быть несколько договоров, они могут иметь разный статус. Вопрос открытый, ответ на него может быть дан сторонами по ходу движения в переговорах. Российская сторона не исключает, что к переговорам может присоединиться третья сторона. Даже можно с американцами продумать такие договоренности, которые будут открыты для присоединения третьих стран в перспективе. Но мы ни на кого не давим. Конечно, мы бы предпочли видеть за столом переговоров, прежде всего, Великобританию и Францию – они ядерные союзники США, и в нынешних условиях сложно не учитывать их потенциал. Но опять же мы ни на кого не давим, все должно происходить на основе консенсуса и с учетом интересов вовлеченных сторон. Решение за ними, за этими странами. Разговор запущен после 16 июня, после российско-американского саммита, у нас прошли две встречи: 28 июля в Женеве прошла установочная встреча, на ней получилось начать анализ угроз. Не то, чтобы стороны хотели выработать совместный документ об оценке анализа угроз, но они начали представление своих позиций с этой точки зрения, чтобы лучше понимать друг друга, где есть озабоченность, которую нужно учитывать, и разговор получился. Хотя бы потому, что собрались профессиональные межведомственные команды, не было излишней политизации, риторика была профессиональная и это дополнительно внушает оптимизм. Поняв друг друга, мы сможем действительно продвинуться в поиске точек соприкосновения. Вторая встреча состоялась 30 сентября в Женеве, там дискуссия была продолжена.

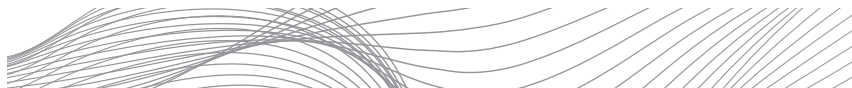
Ожидаемо все проходит: точек соприкосновения у нас мало, очень разные позиции, но работа будет продолжена. Есть интерес к достижению чего-то совместного и стороны соглашаются, что цель – юридическая договоренность или пакет договорённостей.

Для этого созданы две рабочие группы, об этом было объявлено 30 сентября, первая – группа по принципам и задачам будущего КНВ, вторая – группа по потенциалам и действиям, способным иметь стратегических эффект. В них будет продолжен совместный анализ имеющихся возможностей, где мы можем найти точки соприкосновения. Профессионалам очевидно, что сформулировано общо, но сделано это намеренно. По ходу продвижения мы сможем сформировать новые группы, сужать мандаты, говорить по конкретным вещам, но пока мы еще не на этом этапе. Если до этого встреча была установочная, то сейчас можно говорить, что

Встреча президентов
России и США Владимира
Путина и Джоозефа Байдена
в Женеве 16 июня 2021 г.

Источник: www.interfax.ru

«Будущее КНВ и переговоров зависит от конкретных положений Обзора ядерной политики США» — Владимир Дворкин

мы на начальном этапе. Работа будет продолжаться, условия непростые, но никто и не ожидал, что переговоры с США будут простыми. Дополнительно есть политизация темы КНВ, сложности в двухсторонних отношениях с США, не связанные с КНВ. Все это создает негативный эффект, но тем не менее альтернативы нет. Мы будем кропотливо работать и требовать от американцев того же. Пока претензий нет, но что это – момент или их стратегическая линия на взаимодействие с нами – еще предстоит убедиться.

ВЛАДИМИР ДВОРКИН: Каждое уравнение должно содержать функцию. Стратегическое уравнение должно описывать состояние стратегической стабильности. Более того, уравнение должно содержать факторы и соответствующие коэффициенты. Необходимо оценить начальные условия для составления уравнения.

Наши системы способны преодолевать существующую и перспективную ПРО, об этом неоднократно говорил Президент. Для гарантированного поражения одного боезаряда требуется как минимум две противоракеты – и это без учёта средств преодоления ПРО. Конкретное количество необходимых противоракет с учётом фактора контрмер – величайшая военная тайна, но по оценкам экспертов, требуется не менее десяти противоракет. Обезоруживающий удар с применением БГУ невозможен. Будущее КНВ и переговоров зависит от конкретных положений Обзора ядерной политики США (Nuclear Posture Review).

«Приоритеты демократов – сохранение механизмов ДСНВ, новые российские системы вооружений, НСЯО, а для республиканцев – т.н. экзотические системы и китайский ядерный арсенал», — Андрей Баклицкий

ОЦЕНКИ ПОДХОДОВ США К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

АНДРЕЙ БАКЛИЦКИЙ: Американский подход к проблематике контроля над вооружениями традиционно зависит от того, какая из двух ведущих партий находится у власти. Приоритеты демократов в сфере КНВ – сохранение механизмов ДСНВ, новые российские системы вооружений, НСЯО. При этом обсуждение вопросов ПРО для них не табуировано, они готовы обсуждать эту тему и обеспечивать прозрачность.

Для республиканцев обсуждение ПРО под запретом. Их приоритеты – т.н. экзотические системы и китайский ядерный арсенал. Кроме того, они педалируют тему «соблюдения договорённостей», считают верификационный режим ДСНВ крайне слабым.

Стоит отметить, что некоторые бывшие чиновники из администрации Трампа (например, Крис Форд, Джеффри Эберхардт, Роберт Вуд) после ухода со своих постов стали занимать более умеренные позиции.

Важное место в дискуссиях среди демократов занимает вопрос неприменения ЯО первыми/ доктрины «единственной цели». Есть риск, что демократическая администрация потратит значительную часть своего политического капитала на данную проблематику.

Программы вооружений, запущенные при Трампе, не

отменяются – для американцев это, возможно, дополнительный рычаг давления на Россию и отказываться от него они не намерены.

СЕРГЕЙ СЕМЁНОВ: Нынешняя модель контроля над СНВ обеспечивает предсказуемость и реальную картину положения дел в группировке СЯС вероятного противника. Реальный зачёт боезарядов, новация ДСНВ, является тому гарантией.

В ходе переговоров по ДСНВ стороны отошли от чрезмерно детализированных процедур переоборудования и ликвидации по экономическим соображениям. И хотя возврат к прежнему уровню детализации нецелесообразен, в свете споров в ДКК относительно выполнения американцами требований договора возможна большая конкретизация соответствующих положений будущих договоренностей.

Обмен телеметрией в нынешнем виде нефункционален и не нужен для верификации положений договора, он был введён по политически мотивированному требованию американской стороны.

Вполне возможен возврат США к требованию реального зачёта боезарядов ТБ. Как считает В.З. Дворкин, это нецелесообразно, т.к. реальная эффективность авиационных стратегических ядерных сил чрезвычайно низка.

Модернизация американских СНВ не повлияет на стратегический паритет, возвратные потенциалы России и США также останутся на равных уровнях.

РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПРО В НОВУЮ ЭПОХУ

ОЛЕГ КРИВОЛАПОВ: Развитие противоракетной обороны как сегмента военной политики США можно очень условно поделить на национальную ПРО (homeland missile defense), региональную ПРО и передовые разработки по обоим направлениям.

Развитие национальной ПРО находится в кризисе с августа 2019 г., когда была отменена разработка новой боевой части RKV к противоракете GBI. В настоящее время две группы компаний работают над созданием проекта новой стратегической противоракеты NGI, развёртывание которой планируется официально пока что на 2028 г., возможно отставание от графика, в количестве 20 единиц на Аляске, чтобы дополнить ныне имеющиеся там 40 противоракет GBI. Лимит Договора по ПРО 1972 г. составлял 100 стационарных противоракет.

Если чем-то и осложняется ситуация в сфере поддержания стратегической стабильности, то развитием системы ПРО “Aegis” морского базирования и противоракеты SM-3 ПА. Проведённое в ноябре 2020 г. испытание этого перехватчика против мишени с характеристиками МБР было объявлено успешным. Вопрос о технической готовности этой противоракеты осуществить перехват МБР не на испытаниях, а в реальных боевых условиях с учетом наличия средств

«Модернизация американских СНВ не повлияет на стратегический паритет, возвратные потенциалы России и США также останутся на равных уровнях»,
— Сергей Семёнов

«Сейчас в США противоракетная оборона выглядит не самой актуальной статьёй для расходов в военной сфере» — Олег Криволапов

преодоления ПРО (например, ложные цели) остается дискуссионным. Так или иначе, по данным Агентства по ПРО, к концу 2022 г. планируется довести численность противоракет SM-3 ПА до 68 единиц (из них 8 планируется закупить в этом фин. г.). При сохранении такого темпа к 2026 г. их численность превысит 90. Но и здесь есть свои ограничения.

Противоракеты SM-3 ПА с учётом их скорости могут решить задачу перехвата МБР только на нисходящем сегменте заатмосферного участка ее траектории. Для его выполнения перехватчики должны быть запущены с территории самих США или акваторий Атлантического или Тихого океанов вблизи американского побережья. (С учетом этого комплексы Aegis Ashore в Румынии и Польше не подходят для защиты США от российских СЯС.) Привлечение эсминцев с системами ПРО к защите континентальных штатов приведёт к ослаблению возможностей ВМС США проецировать силу и защищать авианосные ударные группы в других регионах мира.

Конгресс, контролируемый демократами, выступает против такого развития региональных систем ПРО Aegis и THAAD. Подобное развитие, по мнению демократов, поставит под угрозу стратегическую стабильность в отношениях с Россией и, как следствие, безопасность США. На 2021 фин. г. Конгресс почти не дал денег на эту статью запроса администрации. На 2022 фин. г. Агентство по ПРО сократило свои планы в этой сфере.

Среди передовых разработок в ПРО только два проекта, на мой взгляд, заслуживают нашего внимания в данном обсуждении, имеют хорошие перспективы для развития и поддержку в министерстве обороны США. Оба проекта связаны с защитой от гиперзвуковых вооружений. Во-первых, создание «Космических сенсоров для отслеживания баллистических и гиперзвуковых целей» (НБТСС), во-вторых, создание систем для перехвата гиперзвуковых вооружений.

Военные в США считают, что наибольшую угрозу гиперзвуковые вооружения представляют не для стратегического баланса, а для региональной безопасности, то есть как угроза для развёрнутых в различных регионах мира войск США и их союзников. В итоге самой перспективной платформой для борьбы с гиперзвуковыми вооружениями выбрана система «Aegis». Началась разработка соответствующей новой противоракеты. Подробнее об этом, если интересно, то в ответах на вопросы.

Относительно финансирования программ ПРО. Сейчас, когда экономика США требует восстановления после пандемии, противоракетная оборона выглядит не самой актуальной статьёй для расходов даже в сравнении со многими другими приоритетами в военной сфере. Например, такими, как долго откладываемая модернизация всей стратегической ядерной триады США. Это повышает вероятность того, что развитие интегрированной эшелонированной ПРО будет заторможено. Анализ сумм запроса по программам ПРО на 2022 фин. г., кстати, самого низкого со времён 2018 г., показывает, что новая администрация решила на перераспределение средств. Так, если в предыдущие периоды основными «жертвами» сокращений финансирования ПРО являлись инновационные передовые разработки, то

администрация Дж. Байдена в нынешних бюджетных условиях делает ставку на самые главные из них (новый стратегический перехватчик, сенсоры космического базирования, защита от гиперзвуковых вооружений). Финансирование остальных передовых проектов (лазеры, многозарядный перехватчик) фактически сведено к нулю.

Здесь ожидается отдельный доклад по военному космосу. Поэтому в своей части скажу только то, что упомянутая мной разработка сенсоров космического базирования (для отслеживания БР и ГПБ по всей траектории и для помощи в распознавании ложных целей и реальных боеголовок) имеет гораздо большую поддержку среди американских военных, чем научно-фантастический проект развёртывания перехватчиков на орбите. Последний считается ими слишком затратным, слишком уязвимым для удара с Земли и неэффективным при множественных пусках МБР. Соответственно, скорее всего, любые предложения по ограничению архитектуры сенсоров космического базирования будут отклонены американской стороной, а предложения взаимного запрета на развёртывание ударных средств ПРО в космосе могут найти поддержку.

Пару слов о так называемых мерах ПРО «до пуска». В «Обзоре ПРО-2019» говорилось о них как о части всеобъемлющей стратегии ПРО. Основным средством были названы упреждающие удары высокоточными наступательными вооружениями морского, воздушного и наземного базирования по пусковым установкам ракет. В то же время меры ПРО «до пуска» в большей степени связаны с защитой США от КНДР и с региональной ПРО (от КНДР, Ирана, Китая и России) и в меньшей степени с планами США в отношении СЯС РФ. Дело в том, что подготовка к их применению против СЯС РФ неминуемо приведет к ядерной эскалации по двум причинам. Во-первых, осуществление указанных мер «до пуска» в отношении СЯС РФ потребует почти беспрецедентного сосредоточения сил и средств противника вокруг российской территории. В таких условиях Москва скорее всего поднимет уровень готовности своих СЯС и удар противника не будет неожиданным. Во-вторых, любое воздействие на средства СЯС РФ, включая попытки вывести из строя пусковые установки МБР или элементы СПРН с помощью ударов неядерными ракетами, тут же повлекут ядерный удар со стороны России, как это было указано в Основах государственной политики РФ в области ядерного сдерживания от 2 июня 2020 г.

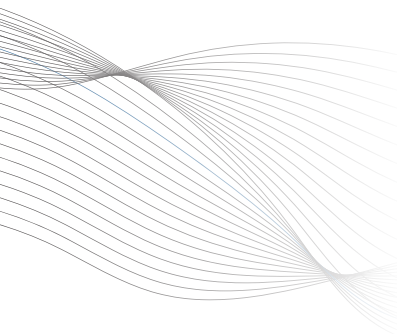
Выступавшим на слушаниях в Сенате претендентам на посты министра обороны США и его заместителей (Л. Остин, К. Хикс и К. Каль) был задан и вопрос насчёт необходимости ограничений на ПРО США для дальнейших сокращений стратегических ядерных вооружений. Что характерно, все трое претендентов, вместо того чтобы традиционно сказать о недопустимости каких-либо ограничений на ПРО США, уклонились от ответа на данный вопрос.

Относительно договоренностей в сфере ПРО российская сторона всегда говорила о необходимости юридически обязывающих соглашений. Но заключение соглашения по

Испытания США
SM-3 для перехвата
межконтинентальных ракет

Источник: www.gazeta.ru

ПРО в форме договора – это наименее вероятный вариант. Для его ратификации нужны будут 2/3 голосов Сената США, что вряд ли возможно в обозримом будущем во многом из-за оппозиции республиканцев любым соглашениям с Россией и Китаем, связанным с ПРО. Другая форма договоренности – исполнительное соглашение, не требующее ратификации Сенатом. Но со стороны России были высказаны сомнения насчет возможности обеспечить дипломатический иммунитет для инспекторов через подобное соглашение. В случае заключения последнего и отсутствия блокировки его выполнения со стороны Конгресса США, оно могло бы содержать один из трех вариантов договоренностей.

Качественные, количественные и географические ограничения на развертывание систем национальной и региональной ПРО, чтобы максимально привязать эти архитектуры ПРО к ракетным угрозам со стороны Северной Кореи и Ирана. Американские эксперты, близкие к Демократической партии, чаще всего называют потолок в 100 стратегических перехватчиков. Тем не менее вариант с ограничениями на ПРО остается маловероятным, так как республиканцы, выступающие за неограниченное развитие ПРО США, скорее всего, сделают все возможное, чтобы заблокировать выполнение этого соглашения.

Разграничения систем стратегической и нестратегической ПРО, как в Соглашении 1997 г. Это также маловероятный вариант, поскольку проведенные испытания перехватчика SM-3

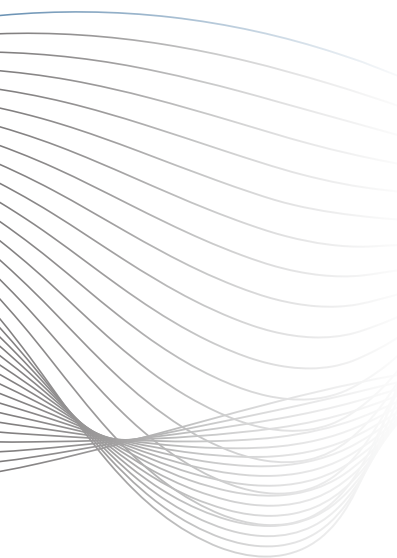

Система ПРО «Иджис» ('Aegis')

Источник: warfor.me

ПА против мишени с характеристиками МБР затрудняют возвращение к техническому разделению систем нестратегической и стратегической ПРО в соглашении.

Меры прозрачности в сфере противоракетной обороны являются более вероятным вариантом, так как они не предполагают ограничений на ПРО США. Речь в таком соглашении могла бы идти об обмене планами развертывания новых элементов противоракетной обороны Россией и США, в том числе американских систем ПРО в различных регионах мира (качественные характеристики, места развертывания, планы численности и наращивания элементов), а также соответствующие меры проверки (инспекции на испытаниях и в местах развертывания; уведомления о перемещениях элементов). Следует подчеркнуть, что по закону об оборонных расходах на 2021 фин. г. запрет на обмен с Россией чувствительной информацией по ПРО был продлен до 1 января 2026 г. Таким образом, речь о заключении подобного соглашения может идти только в случае снятия указанного запрета.

КОСМОС: НОВАЯ АРЕНА ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ

АНДРЕЙ МАЛОВ: О безопасности в космосе, если в нем будет размещено оружие, говорить невозможно. В этом случае разговор о сохранности дорогостоящей собственности и обеспечении надёжного космического трафика будет лишен практического смысла. Поэтому важно не допустить превращения космоса в новую сферу распространения оружия.

Оппоненты такого подхода, как правило, высказываются прямо – и тогда в их аргументах просматривается стремление не закрывать космос для своих оружейных систем. При этом прикрываются соображениями о «лидерстве» в космосе, о «государственных интересах», о защите своей космической собственности, о необходимости отреагировать на «качественно новые угрозы» и т.п. Либо неготовность поставить международно-правовую преграду переносу гонки вооружений в космическое пространство облекается в форму выдвижения аргументов, почему выработать путем многосторонних переговоров такого рода универсальный инструмент будет практически не реально.

Вопрос об оружии в космическом пространстве неизбежно выводит нас на проблему военного доминирования в нем. Суть здесь проста – если кто-либо с опережением других разместит оружие в космосе, освоит практически работающие формы и методы его применения, тот получит и контроль над космическим пространством, и не только над ним.

Сама космическая гонка вооружений, в видимом и масштабном понимании, возможно, еще и не началась, однако поступают сигналы, что отдельные государства создают политический, экономический и научно-технический задел для реализации планов по размещению ударных оружейных систем в космосе. Более того, оружейные элементы, в том числе двойного назначения, уже проходят «обкатку» в космическом пространстве.

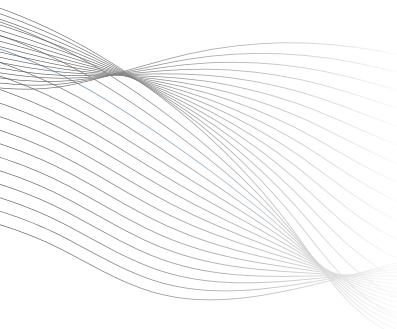
Опасность последствий для стратегической стабильности возможного размещения оружия в космосе нельзя недооценивать. Такое оружие имело бы глобальную зону действия, высокую готовность к применению, возможность внезапного и скрытого воздействия на космические и наземные объекты. В отличие от ОМУ оно стало бы не инструментом сдерживания, а оружием реального применения.

Не случайно, поэтому, задача предотвращения размещения оружия в космосе закреплена в традиционной резолюции ГА ООН по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве (ПГВК) (традиционно вносится поочередно Египтом и Шри-Ланкой; на 73-й сессии ГА ООН одобрена 178 голосами «за», США и Израиль выступили против).

Именно поэтому сегодня крайне актуальный характер имеют любые инициативы, направленные на упреждение. Поэтому столь значима была бы и международная юридически обязывающая договоренность по ПГВК, элементы которой попыталась выработать профильная Группа правительственных

«В отличие от ОМУ оружие в космосе стало бы не инструментом сдерживания, а оружием реального применения» — Андрей Малов

экспертов (ГПЭ) ООН, учреждённая резолюцией ГА ООН (документ A/RES/72/250).

Инициатива создания ГПЭ по ПГВК принадлежит России и Китаю, которые преследовали цель придать дополнительный импульс обсуждению проблематики ПГВК с последующим выходом на переговоры на Конференции по разоружению в Женеве (КР).

К сожалению, ГПЭ не удалось принять консенсусное решение – элементы эвентуального соглашения по ПГВК так и не были согласованы – они были заблокированы американским представителем.

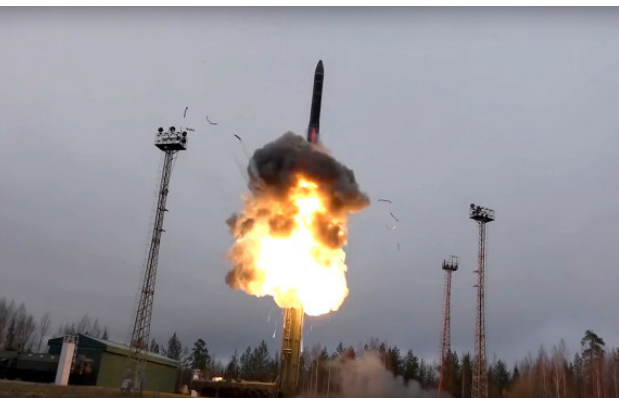
Анализ имеющихся косвенных и прямых признаков приготовления к гонке вооружений в космосе позволяет утверждать, что времени и возможностей для упреждающих дипломатических шагов по ПГВК остается всё меньше.

К 2030 г. США планируют сформировать целый эшелон средств космического базирования для перехвата баллистических ракет. Приступить к тестированию опытных образцов предполагается уже в 2022 г. На это выделяются значительные финансовые средства. Минобороны США ещё в августе 2013 г. принята программы выживаемости спутников военного назначения. Программа представлена в виде Белой книги (White Paper on resiliency and Disaggregated Space Architecture) и направлена на то, чтобы сделать спутниковую группировку более устойчивой к внешнему воздействию. Запущенный программой процесс привёл к физическому разделению различных элементов одной космической системы между несколькими космическими аппаратами (КА), способными взаимодействовать друг с другом. В практическую плоскость выведен процесс размещения военной аппаратуры на коммерческих спутниках и КА союзников. При этом КА государств НАТО выводят на разные орбиты с одновременным дублированием задач в киберпространстве на Земле.

Обратила на себя внимание объявленная 23 марта 2018 г. Национальная космическая стратегия США. Согласно документу, помимо большей защищённости, группировка КА должна обладать более широкими возможностями для стратегического сдерживания, улучшенными параметрами для ведения боевых операций. Для этих целей предусмотрено создание космического сегмента глобальной ПРО, а также целого комплекса мер для парирования новых возможностей России в сфере стратегического сдерживания (речь, скорее всего, идёт о гиперзвуковом планирующем блоке «Авангард»).

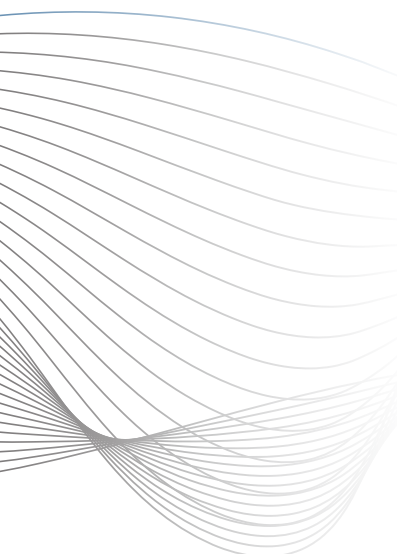
Серьёзный акцент на формирование ударной группировки ПРО космического базирования сделан также в обзоре политики США в области ПРО (январь 2019 г.) Пентагону поручено изучить наиболее перспективные технологии, а также график, стоимость и необходимое кадровое обеспечение. Тем самым США фактически ещё тогда заявили о планах разместить на орбите ударные средства.

Доктринальные установки подкрепляются и надлежащими организационными мерами. В июне 2018 г. президент Д.Трамп распорядился о создании космических войск, призванных

Ракетный комплекс стратегического назначения «Авангард»

Источник: www.rbc.ru

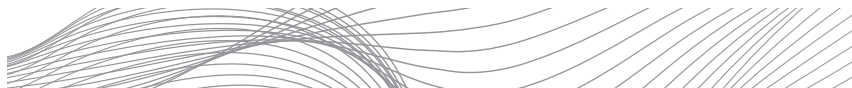

стать шестым видом вооружённых сил США и уже в сентябре 2019 г. Космического командования (КК) Вооружённых сил США было учреждено, что следует расценивать как часть многовекторных усилий по подготовке условий для форсированного превращения космоса в поле боя. США продолжают линию на развязывание себе рук в космосе, опираясь на свою подавляющую космическую группировку и фактически готовят почву для монопольного использования космоса и его форсированной «вепонизации», то есть выводу ударных боевых платформ в космическое пространство (в отличие от использования спутниковых группировок в целях обеспечения систем раннего предупреждения о ракетном нападении и в целях управления, связи и разведки, то есть, мерах, работающих на укрепление стратегической стабильности).

Подключаются к космической военной гонке и союзники США по НАТО. Обратило внимание выступление министра обороны Франции Ф.Парли, которая представила в июле 2019 года национальную военно-космическую доктрину. Это первый документ такого рода и он, несомненно, повлияет на ситуацию в космосе.

Активно наращивает свои космические возможности Китай. По появляющейся в открытой печати информации, речь идет не только о традиционном развитии противоспутниковых систем (ПСС) наземного базирования – АСАТ, но и о создании группировки т.н. спутников-инспекторов, способных воздействовать на КА.

Ожидаем обсуждения этих вопросов в рамках начавшегося диалога США – РФ по стратегической стабильности и учреждённых двух рабочих групп: по принципам и задачам будущего контроля над вооружениями (СНВ) и по потенциалам и действиям сторон, способным решать стратегические задачи (стратегические неядерные вооружения, ПРО, космос). ■

Индекс Безопасности – Научные записки

№4 (30), 2022

Элементы стратегического уравнения:
как выстроить контроль над вооружениями в
новую эпоху

Главный редактор: В.А. Орлов

Редактор: Е.Г. Чобанян

Рецензенты: С.Д. Семенов, А.А. Квартальнов

Дизайн и компьютерная верстка: Е.Г. Чобанян

В оформлении доклада используется фрагмент гравюры Альбрехта Дюрера «Носорог»

Использование наименования и
символики журнала *Индекс Безопасности*
© Владимир Орлов

Работа над номером завершена
24 декабря 2021 г.

© ПИР-Пресс, 2021

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Индекс Безопасности – Научные записки – доклады, аналитические статьи, комментарии и интервью, которые отражают позиции российских и зарубежных экспертов по актуальным вызовам глобальной безопасности и политики России в этой сфере. Задача серии – дать понятный анализ проблем международной безопасности и предложить для них конкретные и реалистичные решения. Серия пришла на смену журналу *Индекс Безопасности*, издаваемому ПИР-Центром в 1994 – 2016 гг. Авторы и редакторы серии будут рады комментариям, вопросам и предложениям, которые читатели могут направить на электронную почту inform@pircenter.org

КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И ПУТИ РАЗОРУЖЕНИЯ

Данная научная записка выполнена в рамках проекта «Контроль над вооружениями и пути разоружения», которая является частью Программы «Россия и ядерное нераспространение» и нацелена на изучение рисков новых систем вооружений, а также поиск возможностей обеспечить безопасность и национальные интересы России за счёт выстраивания архитектуры контроля над вооружениями. В настоящее время в рамках проекта готовится серия научных записок, посвящённых отдельным элементам предложенной России концепции «нового стратегического уравнения», охватывающей все факторы, влияющие на стратегическую стабильность.